

Нравственность в России и противостояние катастрофам*

Развитие общества включает в себя расширение и углубление представлений о возрастающем разнообразии опасностей, угроз, рисков, катастроф, с которыми сталкивались раньше и могут столкнуться в будущем как человечество в целом, так и отдельные сообщества, регионы. Рост осознания опасностей — результат не только умножения знаний, обнаруживающих ранее неизвестные угрозы, например от электромагнитного излучения, от новых болезней и роста потоков дезорганизации, способных превратиться в необратимый катастрофический процесс. Этот рост объясняется постоянным усложнением общества, его динамизмом.

Возникает необходимость изучения способности человека не только противостоять опасностям наличной, исторически сложившейся ситуации, но и наращивать потенциал противостояния будущим опасностям, возможно, существенно превышающим те, с которыми люди уже сталкивались.

Процесс усложнения общества порождает потоки инноваций. Если общество оказывается не в состоянии их освоить, они могут превратиться в потоки дезорганизации. В связи с этим на первый план выходит анализ возможностей человека в его гонке за сложностью возникающих проблем, его необходимости постоянно выходить за рамки вчерашних представлений. Общество должно постоянно отвечать на вопрос — может ли человек, постоянно усложняя свой мир, отвечать на усложнение ситуации, на рост различного рода возникающих опасностей все более совершенными решениями, смыслами, действиями, формами организации, которые бы сохраняли и даже повышали стабильность, безопасность, выживаемость, жизнеспособность?

Люди повседневно формируют ответы на вызовы истории, которые постоянно изменяются, усложняются. От их адекватности зависит существование любого общества, человечества в целом. Эта проблема не может быть решена раз и навсегда. Она будет существовать до тех пор, пока человек не потерпит окончательного и всеобщего поражения, позволив себе катастрофически увеличить разрыв между сложностью вызова и своими способностями его принять.

Проблема закрытости и открытости в обществе

Возникновение человека и общества означало одновременно появление чисто человеческой способности накапливать, воспроизводить прошлый опыт в таких формах, которые позволяли превращать его в предмет человеческой озабоченности, организации, осмысления, освоения, совершенствования. Возникла особая форма реальности - культура, возник человек, способный ее воспроизводить. В этом

Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

А х и е з е р Александр Самойлович - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

коренное отличие человека от биологического организма, где прошлый опыт сохраняется генетически. Человек возник как субъект проблем, которые он сам должен формулировать и разрешать.

Важнейшим аспектом разрешения проблемы оказался поиск соотношения, нахождения его меры между накопленным богатством культуры, фиксирующим успешный опыт¹, и выходом за его рамки к новым идеям, гипотезам, к новой реальности. Сложившийся опыт люди берегли как зеницу ока, ибо именно его освоение и использование в качестве программы обеспечивало воспроизводство человека, его культуру, формы жизни. Отсюда страх перед инновациями, разрушающими старый опыт, дезориентируя, обезоруживая людей. Общество, где господствовала такая тенденция, по самой сути было закрытым, в том смысле, что оно противостояло новшества, запрещало их как потенциально и реально дезорганизующих сложившуюся культуру.

Этот порядок, однако, нес в себе серьезную опасность. Необходимость следовать ранее сложившемуся стереотипу, программам накопленной культуры таила в себе возможность сокрытия от общества жизненно важных процессов, т.е. того, что ранее не фиксировалось в опыте. Но как раз эта изоляция от нового, неспособность его осмыслить именно как новое, достигнув значительных масштабов, делает человека беззащитным перед неизведанными ранее опасностями и катастрофами. Люди, стиснутые ограниченностью своей культуры, унаследованных программ воспроизводства, закрытостью общества, в существенно усложнившихся условиях оказываются ограниченными старыми возможностями противостоять нарастающей дезорганизации. Такая рассогласованность может принять форму необратимого процесса, ведущего к катастрофе, к гибели.

Подобное состояние общества есть следствие его закрытости, т.е. страха перед инновациями, противостояния им, закрытости от потока новых знаний, от стремления перестраивать сознание, культуру, отношения в зависимости от инноваций, от стремления открыть себя новым опасностям, новым возможностям. Расплата за закрытость комфортного мира была в истории слепа и беспощадна. Гибли народы, империи, цивилизации, которые, замыкаясь в своих устаревающих программах, не могли дать достойного ответа на вызов истории.

Единственным средством против этого было развитие открытости (единственным в том смысле, что все остальные средства могли развиваться внутри и на основе открытости). Это означает способность формировать новшества, признавать их ценность, превращать в содержание своей личностной культуры, класть в основу своих решений, формировать на их основе новые смыслы, предотвращать превращение инноваций в поток дезорганизации, но стимулировать их превращение в источник энергии, необходимый для обеспечения выживаемости, повышения жизнеспособности. Открытость - это способность преодолевать закрытость, искать новые пути, выходить за рамки своих прошлых решений, смыслов, за рамки сложившегося опыта, отношений, форм государства, типов общества, цивилизаций.

На определенном этапе истории в каких-то регионах элементы открытости, которые находились где-то в порах общества, стали постепенно выходить вперед, продвигаясь на место ведущих ценностей. В процессе освоения исторически сложившейся культуры шаг новизны, т.е. фиксация ограниченности приемлемых инноваций, перестал носить жесткий сакральный характер. Он сам стал предметом критического анализа, рефлексии, превратился в подвижный, постоянно расширяющийся. Из абсолютно заданного он превратился в предмет осмысления, переосмысления. Это изменение затрагивало не только движение мысли, логику культуры, но и устройство общества.

Элементы открытости в истории превращались в открытое общество. Возникло

¹ Неудачный опыт уходил на задний план, возможно, вместе с людьми, которые не смогли на его основе обеспечить свою выживаемость.

общество, где высшей ценностью стало достижение стабильности через повышение эффективности решений и деятельности в результате развития всех сторон жизни общества - личности, культуры, социальных отношений. Соответствующие ценности вышли из катакомб и заняли господствующее положение, возникла либеральная суперцивилизация, ставшая на путь формирования открытого гражданского общества, правового государства.

Полной закрытости цивилизации не может быть нигде и никогда. Чем сложнее проблемы, подлежащие разрешению, тем интенсивнее люди ищут поток позитивных, не несущих дезорганизацию инноваций не только дома, но и у всех известных им стран и народов. Возможность сохранить закрытость и одновременно стабильность, выживаемость обратно пропорциональна сложности и динамизму подлежащих решению проблем. В современном мире эта возможность неуклонно снижается.

То обстоятельство, что человеческий мир все более усложняется, делается все более динамичным, задает абстрактный вектор изменению, направленному в сторону, где повышается способность решать новые все более сложные проблемы, в сторону открытости. Путь к открытому обществу лежит не на шумной внешней стороне исторического процесса с войнами, революциями, подвигами и преступлениями властителей и т.д. Этот путь прокладывается на скрытой стороне истории, где человек, погруженный в повседневность, решает свои бесконечно разнообразные, кажущиеся мелкими проблемы. Там, отвечая на сложность повседневности, он накапливает умение, творческий потенциал, способность к рефлексии.

Движение к открытому обществу не гарантирует от опасностей, от катастроф, от губительных решений. Но с определенного момента сложности мира без открытости вообще невозможно принимать, реализовывать решения, спасающие любое (сообщество от новых опасностей. Это обстоятельство бросает новый свет на спор между людьми, доказывающими преимущества традиционализма, и сторонниками современного либерального общества. Этот спор решается исторически, сложностью подлежащих разрешению проблем, необходимостью для обеспечения выживаемости адекватно ответить на уровень сложности, на вызов истории. В разных странах, в разных культурах, на разных этапах могут быть разные ответы, различная степень адекватности, нужны разные нравственные идеалы, несущие в себе различные возможности ответить этой адекватности. От достижения этой всегда временной, относительной адекватности, всегда уникальной, зависит стабильность, выживаемость. Но тем не менее «похоже, сегодня движение "вперед" сделалось единственной альтернативой гибели»[1].

Нравственные идеалы как предпосылка противостояния катастрофам

Поиск адекватности в рассмотренном выше смысле во всеусложняющемся мире не может происходить как случайный перебор различных комбинаций средств. История человечества (как и история России) насыщена историческим материалом, который можно расположить между комфортной адекватностью и дискомфортной неадекватностью способности человека отвечать на обычный для данного этапа истории страны или, наоборот, необычный вызов истории. Я уже делал попытку рассмотреть этот исторический процесс в условиях России [2].

Проблема движения от закрытости к открытости, как и поиск адекватности, не может рассматриваться как плавный, нарастающий процесс. В истории России происходит смена значимости в обществе нравственных идеалов, важнейших форм культуры, задающих программы воспроизводства, предлагающих различные основы принятия решений, содержащих различные оценки открытости и закрытости, задающих векторы поиска адекватности. Любой нравственный идеал включает программу воспроизводства адекватных, необходимых для их воспроизводства отношений людей. Влияние каждого из нравственных идеалов в тот или иной момент

времени зависит в конечном итоге от его массовости, от динамики его энергетического потенциала, от общего расклада форм нравственности в обществе. Эти идеалы всегда существуют как дуальные оппозиции, которые являются способом формирования смыслов, проблем. Сегодня проблемные ситуации в стране усложняются необходимостью одновременного преодоления по крайней мере трех основных дуальных оппозиций: традиционализма и либерализма, соборности и авторитаризма, умеренного и развитого утилитаризма.

Россия развивалась как страна традиционного (вечевого), закрытого типа. Традиционная культура рассматривает накопленное культурное богатство как сакральный гарант спасения от бедствий, а отход, отпадение от него - как справедливое наказание. Вечевой идеал во всех своих модификациях нацелен на воспроизводство закрытого общества, на поиск меры между сложившейся культурой и потоком инноваций на основе безусловного стремления остаться в рамках сложившейся культуры. Столкновение инноваций происходит в этом случае посредством экстраполяции на них старых смыслов, решений. Все, не укладывающееся в эти рамки, выступает как поток опасной дезорганизации. Вечевой идеал нацелен на преодоление дезорганизации в рамках исторически сложившегося опыта, иногда явно игнорируя сигналы о новых серьезных опасностях.

Этот идеал оказывается неадекватным в условиях значимого усложнения общества, роста динамизма. Диалог в нем жестко минимизирован необходимостью обеспечения неизменности исторически сложившихся отношений. Даже когда отношения меняются, они интерпретируются как старые. Классический пример - редукция большого общества как братства, как семьи. Вечевой идеал возник до появления государства. Однако он стал основой государства в России. Это оказалось неадекватным решением, стало фактором слабости государства и в полном объеме выявилось после начала модернизации.

В России существенное влияние имеет умеренный утилитаризм. Для него характерно ограниченное стремление расширить сферу открытости, чтобы превратить окружающий мир в сферу поиска бесконечного набора средств. Разлагая традиционализм, нацеливая людей на приобретение благ, он несет угрозу дезорганизации традиционного мира, разрушает природную и социальную среду. Тем не менее утилитаризм является ответом на рост дезорганизации, на критические ситуации. Он характеризуется постепенным формированием способности превращать в ценность деятельность, нацеленную на выделение из нерасчлененного целого, из среды любого его элемента.

В основе утилитаризма лежат ценности активности человеческой деятельности. Его возникновение и развитие - симптом роста новых возможностей человека, его творческого потенциала, что является необходимой предпосылкой наращивания способности ограничивать рост дезорганизации, интегрировать определенные инновации в сложившуюся культуру, превращать их в позитивный элемент культуры. Это открывает возможности превращения инновации в позитивные элементы культуры.

Умеренный утилитаризм превращается в развитый, распространяя свой основополагающий принцип и на общество, превращает отношения людей в предмет манипуляции для достижения сложившихся целей. Развитый утилитаризм характеризуется осознанием зависимости приобретаемых благ от продуктивных творческих усилий, что можно расценивать как существенное расширение сферы открытости. Однако этот идеал самостоятельно не возвышается до уровня открытости государственного целого, до способности стимулировать людей для достижения целей, не сулящих быстрого локального эффекта. В то же время развитый утилитаризм включает ориентацию на развитие рынка, на подчинение отношений людей поставленной цели, на осознанное подчинение структуры функции.

Вторжение развитого утилитаризма в систему человеческих отношений означает резкое возрастание потоков дезорганизации не только традиционализма, но и умеренного утилитаризма при отставании способности превращать потоки инноваций

в позитивные, интегрируемые обществом явления. Опыт истории не свидетельствует в пользу того, что негативные аспекты этого идеала вне определенного отношения с либеральным нравственным идеалом могут быть преодолены.

Либеральный идеал возник в мире на основе длительной культурной эволюции, медленного развития способности отвечать на вызовы истории иным, более сложным отношением к инновациям, к дезорганизации. В России, однако, либерализм развивался не только на основе утилитаризма, но и получал стимулы от мирового опыта. Здесь видели, что в мире есть эффективные пути и методы формирования более эффективных решений. Тенденция возрастающей открытости, присущая либеральной суперцивилизации и культуре, и представляется тем ответом человечества, который, по крайней мере в тенденции, выдвигает единственную реальность, способную противостоять возрастающим угрозам катастроф. Это превращение в цель, в ценность развития способности людей формировать себя, общество, противостоять перерастанию дезорганизации в катастрофу.

Каждый нравственный идеал несет в себе программу организации общества, снижения дезорганизации в мире, осваиваемом субъектом. Проблема заключается в том, что при изменении ситуации эта программа может оказаться недостаточной. В итоге само влияние данного идеала в обществе, существование соответствующих групп оказываются под угрозой. Однако другой нравственный идеал нацелен на другой тип организации. В нем заложена иная оценка того, что следует назвать организацией и дезорганизацией, что может рассматриваться в качестве катастрофы. Например, крах государства может с позиций одного идеала рассматриваться как позитивная глобальная инновация, а с позиций другого - как национальная катастрофа. Существенное изменение ситуации может привести к тому, что нравственный идеал превратится в факт роста дезорганизации, оцениваемой с точки зрения ценностей его самого. Это изменяет ракурс анализа: с сути каждого идеала акцент смещается на проблемы перехода разных идеалов друг в друга, на их взаимоотношения.

Опасность катастрофы

Каждый из нравственных идеалов, рассмотренный в их изолированности друг от друга, является некоторой абстрактной формой, о которой нельзя сказать, что он несет в себе абсолютную программу спасения от опасностей и катастроф. Точно так же, как нельзя сказать, что он несет в себе абсолютное зло разрушения. Тем не менее каждый из идеалов содержит реально или потенциально мощный заряд, энергетический ресурс реализации особой программы массовых действий значительной или даже решающей части общества.

В реальной жизни эти идеалы никогда не действуют поодиночке (если не считать первобытного синкретизма), кроме того, они постоянно находятся в развитии. Поэтому общество может быть описано как динамичная система идеалов, где происходят сдвиги, складывается их иерархия: одни становятся господствующими, другие отходят на задний план в культурное подсознание, никогда полностью не исчезая. Анализ динамики является первостепенной задачей, необходимой для прогноза и выявления основополагающих тенденций динамики общества, его движущих сил, для понимания ситуации в целом, для поисков путей повышения эффективности противостояния дезорганизации.

Общество может быть представлено как система переходов между основными идеалами. Специфика развития российского общества привела к тому, что вечевая и либеральная культуры встретились в обществе, недостаточно подготовленном для диалога, взаимопроникновения. Они оказались ценностно, культурно расколотыми, отталкивающими и даже разрушающими друг друга.

Вечевой идеал с его отсутствием нацеленности на поиск новых организационных форм, повышающих эффективность борьбы с дезорганизацией, с точки зрения либеральной культуры является дезорганизующим фактором. Одновременно либе-

ральный идеал с его стремлением стимулировать потоки инноваций дезорганизует традиционное общество и с позиций последовательного вечевого идеала воспринимается как разрушительная бесовская сила. Следовательно, между вечевой и либеральной культурами, существующими идеалами налицо существенные различия в отношении к дезорганизации. Конфронтация между этими идеалами не является абсолютной, "естественной" формой отношений между ними. Это исторически сложившийся результат раскола, и он может быть преодолен в процессе дальнейшего развития общества.

Общество боролось с дезорганизацией, вызванной локализмом, выдвигая авторитаризм (т.е. через инверсию), который подчас превращался в тоталитаризм. В основе сталинской борьбы с дезорганизацией лежало стремление подавить все, что превышало некоторый уровень "серого творчества", т.е. уровень, который, как казалось, предохранял от дезорганизации. Под нож террора попала вся интеллектуальная элита, культура, адекватная высокому научному потенциалу. Обрекались на гибель те уровни знаний, развитие которых как раз и требовалось для поиска меры открытости, необходимой для преодоления дезорганизации. По пути, это была экстраполяция на современность первобытного метода преодоления дезорганизации. Эта попытка кончилась крахом, так как архаичные методы делали недостижимыми эклектические цели государства, включающие и модернизацию. Сама система подавления стала мощным источником всеобщей дезорганизации, что в конечном счете привело к его разложению. Авторитаризм, централизуя принятие решений, порождал источники дезорганизации в системе управления, в производстве. Поэтому общество стало искать путь к снижению уровня дезорганизации, инверсионно переходя к локализму, где все проблемы редуцировали до локальных. Но распад общества привел к конфликтам, к усилению других форм дезорганизации². Люди, разделяющие смыслы и ценности одного полюса, видят в другом злобный источник дезорганизации, угрозу крушения жизни, катастрофы. В действительности же угроза заключается в том, что в сложном обществе причиной дезорганизации является взаимное отталкивание, раскол.

Утилитаризм можно рассматривать как исторически переходный между традиционным и либеральным идеалом. Но развитый утилитаризм (как и российский либерализм) был раздавлен советской системой, возникшей на основе традиционализма и умеренного утилитаризма. Наступил момент, когда идеалы, стоящие за ними силы вступили между собой в состояние гражданской войны. Энергетический потенциал активных защитников ценностей полюсов, тяготеющих к архаике, оказался неизмеримо больше, чем у противоположных. Это и обрекло страну на цепь катастрофических событий, которая до сих пор не прервана.

Роль утилитаризма в современном мире противоречива. Множество возможных отношений между умеренным и развитым утилитаризмом, точно так же, как и между традиционализмом и либерализмом, теоретически можно осваивать в рамках дуальной оппозиции "диалог - раскол". Специфика российской истории включает в себя тяготение ко второму полюсу, рассмотрение мира как манихейской битвы субстанций "добра" и "зла". Эта возведенная в абсолют борьба с дезорганизацией привела к торжеству хаоса, подавила важные условия преодоления крайне дезорганизованного состояния общества.

Соприкосновение в едином теле общества разных идеалов в условиях раскола приводит к нарастанию взаиморазрушения, взаимодезорганизации. Происходит странное явление: разные нравственные идеалы со своими программами воспроизводства, с прямо противоположным отношением к конкретным формам дезорганизации могут сконцентрироваться в одной точке, в одном решении, в одном смысле. Это можно наблюдать и на примере предприятия, где одновременно хотят взаимноисключающих результатов - развития производства при сохранении господства

² Анализ инверсий в рамках этой дуальной оппозиции рассмотрен в [3].

архаичных натуральных отношений, их неизменности внутри коллектива, будто бы вышедшего "из одной деревни". Общество приспосабливается к такой ситуации формированием "хромающих решений", двоевластием и т.д., чтобы как-то развести конфликтующие идеалы, "запереть" каждый из них в своей сфере, чтобы **они** не пожрали друг друга. Сложность этой ситуации требует выявления **перспектив**, вероятных путей дальнейшей динамики нравственной ситуации.

Возможность совершенствования отношений

Нравственность как реальный носитель программы противостояния опасностям, катастрофам включает в себя программу воспроизводства отношений в обществе. Эти отношения органически коррелируют с мерой (не)способности людей преодолевать исторически сложившуюся закрытость общества.

Для принятия эффективных решений, формирования смыслов, обеспечивающих противостояние конкретным историческим катастрофам, необходима адекватная система отношений, способная хранить, защищать соответствующую (суб)культуру, соответствующий нравственный идеал, обеспечивать возможность деятельности, воплощающей соответствующие решения. Создание таких форм отношений является ответом на необходимость поиска меры между обществом как гарантом, спасателем от дезорганизации и обществом как первоисточником опасного потока дезорганизации, ведущего к катастрофе.

Смена типов отношений при переходе от одного нравственного идеала к другому предполагает прежде всего изменения в обществе, изменения его связи с личностью. Вместе с тем общество - субъект воспроизводственных функций, которые противопоставляются опасностям катастроф. При этом и общество, и государство являются носителями дезорганизации и идущих от нее опасностей. Отсюда следует, что в конечном итоге в центр анализа общества, государства должно быть поставлено соотношение между названными процессами, выраженное в организационных формах. Необходим поиск наименее уязвимой для катастрофического распада меры между ними. Здесь - узловой пункт рассмотрения способности общества, государства противостоять дезорганизации как источнику опасности.

Возможность избежать превращения общества в источник катастрофической дезорганизации лежит, следовательно, в его способностях к самосовершенствованию, в способности интегрировать определенные инновации, превращать их из факторов дезорганизации в фактор укрепления общества. В основе совершенствования государства лежат возникновение и развитие способности вычленять из синкретического целого государственные отношения и превращать их в предмет массовой озабоченности. Важным этапом распада синкретизма было вычленение из него организационных отношений, например предприятия, учреждения, армии, любого сообщества. Исторически возникла способность изменять организацию предприятия (и вообще всех сообществ) в соответствии с задачей повышения эффективности его деятельности. В конечном итоге это потребовало подчинения структуры функциям. Предприятие, находящееся в условиях напряженных, изменяющихся рыночных отношений, может выжить, если окажется открытым к требованиям рынка, что в конечном итоге связано с ценностями и практикой либеральной суперцивилизации, с оттеснением традиционализма на задний план.

Способность превращать человеческие отношения в особый предмет массовой озабоченности распространяется на изменения общества в целом, на все типы отношений. Они превращаются в предмет диалога, реформ, изменений и управления (не путать с манипулированием), в открытый предмет воспроизводства. Об открытом обществе стало возможно говорить тогда, когда творческая способность людей формировать новые отношения постепенно достигла способности повседневно совершенствовать государственные отношения через формирование всеобщего диалога в масштабе гражданского общества.

Открытое общество возможно лишь как гражданское общество, где культура, вся система отношений ориентированы на стимулирование развития личности как субъекта творческих инноваций. Правовое государство должно охранять права каждого на формирование культурных инноваций, их культивирование, проповедование и критику, бороться за свободное участие в политическом диалоге на всех уровнях общества. Тем самым государство из традиционного инструмента ограничения творчества, подавления личности превращается в ее защитника; из воплощения закрытости - в защитника открытости. Оно преобразуется в институт, защищающий творческую личность от насилия как со стороны самой власти, так и от противников расширения и углубления творчества, от сил, противостоящих открытости, само превращаясь в открытое для личности.

Причина недостаточной способности государства снизить уровень дезорганизации в обществе ниже некоторого порога, конкретного для каждого случая, очевидна. Государство порождается самим обществом и несет в себе все его достоинства и недостатки, в том числе и сложившуюся способность сдерживать рост дезорганизации. Перефразировав известное выражение, можно сказать: "Общество имеет такое государство, которое оно заслуживает". Тем не менее государство отличается от общества именно своей особой организацией, организованностью. Его специфика состоит в том, что оно собирает во всем обществе "государственный элемент", выискивая подходящих людей буквально по одному.

Государство в России стремилось превратить себя в некоторый очаг более высокой организованности, что являлось обязательным условием его успешной борьбы с дезорганизацией. Еще не написана история того, как высшая власть в России постоянно задыхалась от отсутствия организаторов, от того, что число их никак не могло достичь некоторой критической численности, необходимой для эффективного функционирования государства. Постоянно нужны были люди, которым можно было бы поручить государственные должности, люди, способные квалифицированно противостоять дезорганизации на всех уровнях, воспроизводить государство как специализированный орган борьбы с дезорганизацией. При Алексее Михайловиче не хватало надежных людей, которым можно было бы поручить управление государственной собственностью. Петр I вынужден был обращаться к иностранцам для заполнения государственных должностей. П. Столыпин жаловался на невозможность найти пятьдесят человек, способных стать губернаторами. Большевицкая власть буквально задыхалась от отсутствия людей, имеющих данные для руководящей работы. Знаменитые кухарки, которые должны были управлять государством, иногда действительно проникали на высшие должности, но результаты были плачевны. Важнейшей функцией КПСС был подбор и расстановка кадров. Привилегии номенклатуре были одним из средств в нашей стране объединить людей власти, противостоящей хаосу. Однако все это не только дало ограниченный эффект, но и вызвало мощное недовольство, т.е. само создавало новые очаги дезорганизации. А сейчас Б. Ельцин в обращении к народу 24 апреля 1997 года говорил об обнаружившемся недостатке людей, необходимых для формирования правительства страны.

Все это означает лишь одно - причина высокого уровня дезорганизации российского общества кроется в сфере развития личности, дефицита фиксированных в культуре программ адекватного поиска в изменяющихся условиях эффективных путей борьбы с дезорганизацией. Эта причина не только в некоторой средней способности противостоять дезорганизации в усложняющемся обществе, но и в недостаточной способности выделять, воспроизводить организованную элиту. Фокусом сил противостояния дезорганизации является личность.

Существенным, но не единственным фактором, определяющим личностную культуру, является образование. В России оно играет недостаточную роль. Образование нацеливалось у нас на решение частных задач. Например, в советское время в нем преобладало стремление к сочетанию последней версии идеологии с культом техники. Сегодня господствует тенденция к заимствованию западного образования. Однако и

тот и другой вариант не вооружают личность знаниями и навыками борьбы с дезорганизацией в специфических российских формах, с расколом нравственного смыслового поля культуры. Это связано с общим невниманием к научной проблеме специфики России.

Обращают на себя внимание постоянные сигналы о слабости квалификации людей в разных сферах деятельности, что свидетельствует о массовом характере данного явления. Общим местом стал постоянный рост аварийности, в частности в авиации, как результат разгильдяйства и безответственности, т.е. внутренней дезорганизации личности, которая и определяет уровень дезорганизации общества.

Не менее важным фактором противостояния дезорганизации является наука как форма антиэнтропийной творческой деятельности. К сожалению, сегодня она сама охвачена сильной дезорганизацией. Есть, в частности, точка зрения, что "развал аграрной науки ведет к потере продовольственной безопасности страны", что "сельскохозяйственная наука уже не готова противостоять и противодействовать неблагоприятным, катастрофическим влияниям экстремальных воздействий внутри страны или из-за рубежа на сельскохозяйственное производство" [4].

Чем сильнее дезорганизация, чем выше вероятность ее перерастания в катастрофу, тем больше ее предотвращение зависит от ценностей культуры значимого числа людей. Власть не может ни палкой, ни пряником стимулировать массовые стремления и действия. Она лишь организационный фактор в массовых процессах, а не их демиург. Люди сами выбирают свою идентификацию на основе собственной культуры, стараясь следовать ей, критикуя ее, тем самым формируя новые пласты культуры, изменяя общество, самих себя. Этот выбор скрыт в любой форме деятельности и далеко выходит за рамки решения, за кого голосовать на выборах. Речь идет о развитии соответствующих форм образа жизни, о выборе суперцивилизаций. Люди, однако, выбирают не абстрактно, не основываясь лишь на доводах разных пророков, идеологов, ученых. В своих решениях они опираются на исторически сложившуюся культуру (как сообществ, так и личностей), включающую также способность критики культуры.

Развитие личностной культуры, ориентация на знания, на напряженное переосмысление инноваций являются важным компонентом открытого общества [5]. Движение к открытому обществу существует как тенденция, которая постоянно (в зависимости от напряженности воли, от способности или неспособности людей) может повернуть вспять к древним архаичным программам воспроизводства, к разрушению права.

Совершенствование открытости как противостояние катастрофам

Развитие либерализма ставит утилитаризму ограничения с позиций формы нравственности. Это не противостоит развитию утилитаризма, но ставит ограничения для его крайних форм, для его проникновения в различные сферы жизни общества. Одновременно стимулируется дальнейшее развитие либерализма, появляются перспективы развития открытого общества. Возможность перехода к последнему определяется прежде всего развитием диалога как внутри страны, так и между странами и народами. Именно диалог как ценность и организационная форма позволяют превратить инновацию из опасного дезорганизующего элемента в позитивный. Важным аспектом этого процесса общества является превращение конфликта, вооруженных столкновений в битвы духа, в споры систем ценностей. Успех движения по пути открытого общества измеряется прежде всего через оппозицию "диалог - монолог", через динамику меры преодоления смыслов ее полюсов. Политический аспект этого процесса выражается в оппозициях "демократия - авторитаризм", "правовое государство - традиционное авторитарное государство", "гражданское общество - общество подданных".

Выход России из состояния расколотого, высоко дезорганизованного общества следует искать на путях синтеза расколотых частей, преодоления раскола, формирования соответствующей программы. В основе этого процесса должен лежать не очередной миф об идеальном обществе, но исследование реальной динамики соотношения основных идеалов общества, возможности формирования на ее основе взвешенной ориентации на те идеалы, о которых можно сказать, что их значимость возрастает. При этом необходимо тщательно исследовать динамику нравственных идеалов, выявить их реальные шансы в деле противостояния дезорганизации. Сегодня наибольшей массовой энергетической базой в стране обладает утилитаризм, перерастающий из умеренной формы в развитую. Именно он должен рассматриваться как создающий возможность выхода из хаоса взаимной дезорганизации идеалов.

Рост развитого утилитаризма несет свои опасности. Он угрожает тем, что его способности к дезорганизации могут оказаться выше способностей ее сдерживать. По сути, эта опасность заложена в любом идеале, но утилитаризм страдает особым недостатком. Его потенциал противостояния дезорганизации недостаточен, так как он не направлен на воспроизводство общества в целом, но всегда нацелен на ограниченный результат. Опасность утилитаризма усиливается тем, что в собственных целях он способен объединиться с архаичными формами локализма и авторитаризма, а это, без сомнения, несет в себе угрозу существованию общества.

Двойственный характер динамики утилитаризма несет в себе как потенциал выхода из раскола на основе возрастающего массового творческого потенциала, так и опасность разрушения природы и общества, агрессивного "проедания" условий существования целого. Данная проблема должна перемещаться в центр внимания общества. Запад разрешил ее благодаря нахождению для утилитаризма особого места в культуре как важной, но не единственной формы человеческой реальности. Утилитарная, хозяйственная деятельность, частная инициатива стали рассматриваться не как самоценность, во имя которой можно превратить мир, окружающих людей в сырье, в средство для достижения утилитарного эффекта, но как угодная Богу нравственная деятельность, как воплощение воли провидения. Это замыкало утилитаризм в рамки религиозной нравственности, высшей культуры. В России такого не произошло, поэтому двойственный характер утилитаризма у нас может вернуться к обществу своей негативной стороной.

Опасность заключается и в том, что негативные аспекты утилитаризма становятся фактором активизации архаики, т.е. повторения инверсионной попытки ответить на одну крайность противоположной, противопоставить один тип дезорганизации другому. Эта проблема в своей непосредственной форме носит культурологический характер. Пристальное внимание должно быть уделено ее решению в рамках религиозных форм культуры. К сожалению, официальная православная церковь в России, кажется, мало озабочена этой проблемой.

Развитие открытого общества происходит в разных странах различным образом. Некоторые из них можно отнести к первому эшелону, где открытая либеральная суперцивилизация возникла на исторически сложившейся почве своих народов, на основе сложившейся культуры, на культурной традиции античности, иудо-христианства. Этот процесс шел медленно, не без конфликтов, но сравнительно безболезненно, если сравнить его с аналогичными процессами в странах последующих эшелонов.

К странам второго эшелона можно отнести Германию, которая отставала политически и экономически и, стимулируемая опытом более развитых стран, пыталась получить утилитарные результаты открытого общества, прибегая подчас к методам закрытого общества. Это привело к тому, что, перейдя к либеральной суперцивилизации, Германия ответила на внутренний кризис и на внешнеполитическое поражение установлением фашизма. Произошедшее можно расценивать как утопическую попытку установить традиционное закрытое общество, но на основе экономики, достигшей открытости, развитого рынка. Тоталитаризм XX века был попыткой

крайними методами закрытого общества удержать определенные достижения открытого общества. В Германии это привело к тому, что она смогла продолжить свое движение к открытому обществу, лишь пережив национальную катастрофу, крушение государственности и полный военный разгром.

Россия оказалась страной третьего эшелона, которая так же, как и Германия, но в значительно большей степени, не созрела до открытого общества, до господства рынка. Общество, однако, усиленно пыталось использовать достижения открытого общества для экономического и социального развития. Для этого Россия, как и Германия, прибегла к методам закрытого общества, к тоталитаризму. Но в отличие от Германии Россия прошла соответствующий этап динамики общества в условиях преобладания традиционализма на докапиталистической основе. Здесь был создан невиданный в истории химерический порядок, сочетающий максимально мыслимую закрытость с попыткой сформировать индустриальное и даже постиндустриальное общество на дорыночной основе, на основе архаики и примитивных форм утилитаризма. Это привело в конечном итоге как к политической, так и к хозяйственной катастрофе. После случившегося развитие открытого общества оказывается крайне трудным, требующим массового нравственного напряжения и ответственности.

Нет никаких гарантий перехода к открытому обществу, лежащих за пределами массовых стремлений и способностей людей постоянно активно действовать, изменять себя таким образом, чтобы формирование открытости превратилось в первую жизненную потребность личности. Исторический опыт показывает, что народы по-разному реагировали на рост опасностей. Они не ищут выхода и пассивно идут навстречу собственной гибели. Граждане Византии, когда в нее вторглись турки, бросили на произвол судьбы свою страну; с захватчиками сражались только жители столицы во главе с императором. Расплатой стало исчезновение этого общества. Среди крестьян России также бытует традиция отвечать на критическую ситуацию лозунгом "не сойдем с печи".

Каждый шаг сложного процесса становления открытости включает в себя развитие культуры, формирование сдвигов в культурных программах. Этот процесс может развиваться лишь в условиях роста способности людей к выработке позитивных инноваций, к вступлению в диалог в связи и по поводу этих инноваций, их приемлемости для общества. Причем дело не только в художественной, литературной, технической и иных формах творчества, но и в массовых его формах, сердцевинной которых является частная инициатива, вторжение творчества в сферу все более сложных отношений, в экономику и политическую жизнь, в функционирование государства. Люди постепенно осознали, что все окружающее нас, все наши способности есть результат творческого потенциала носителей частной инициативы, результат открытости. Сказанное верно, как это не покажется парадоксальным, и в закрытом обществе. Его специфика лишь в том, что достигнутый уровень открытости жестко репрессивно ограничивается догуманистическими методами. Социальная энергия закрытого общества направляется на поддержание статики различными методами.

Открытость общества основана на развитии способности личности формулировать цели, участвовать в общественном диалоге по этому поводу, организовывать этот диалог, втягивать в него все коренные проблемы, включая проблемы существования общества, способности противостояния катастрофам и т.д. Совершенствование диалога, формирование соответствующих институтов, отношений возможно лишь как становление гражданского общества, правового государства, общества, свободно изменяющегося как форма самоизменения человека, его культуры и отношений.

Диалог - всеобщая характеристика и содержание мышления. Но одновременно и организационный принцип построения общества, его саморазвития. Формирование отношений, институтов диалога есть процесс диалогизации общества, который и приводит к созданию открытого общества. Этот процесс приобретает относительную завершенность в правовом государстве, превращающемся в защитников прав каждого

на расширяющийся и углубляющийся диалог, на творческие разработки и инновации, на превращения их в предмет диалога, в устойчивый элемент культуры. В правовом государстве личность, возможность ее самореализации превращается в главную ценность. Это означает, что открытое общество и правовое государство неотделимы друг от друга. Логически общество либеральной суперцивилизации, открытое общество, гражданское общество, правовое государство должны определяться друг через друга.

Стремления личности к открытому обществу являются особым ответом на вызов истории, лежащим между полюсами дуальной оппозиции "повышение творческих возможностей общества формировать инновации - рост дезорганизации, т.е. катастрофическое разрушение общества, направленное на разрушение его инновационного потенциала". Поиск меры в рамках этой дуальной оппозиции неизбежен для каждого общества, для каждого человека. Гражданское общество, правовое государство и есть та форма жизни, где человек окончательно преодолевает прямой выбор между катастрофой в результате неспособности освоить инновации и катастрофой как средством борьбы с опасностью катастрофы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1996. С. 151.
2. *Ахиезер А.С.* Жизнеспособность российского общества // *Общественные науки и современность.* 1996. № 6.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I. Новосибирск, 1997.
4. *Монастырский О.* Скудеющая нива России // *Независимая газета.* 1997, 22 апреля.
5. *Ахиезер А.С.* Как "открыть" закрытое общество. М., 1997.

© А. Ахиезер, 1997